
ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

“ТОМОВ ПРЕМНОГИХ ТЯЖЕЛЕЙ...” Ю.Г. ОКСМАН О КНИГЕ ЛИДИИ ЧУКОВСКОЙ «“БЫЛОЕ И ДУМЫ” ГЕРЦЕНА»

© 2012 г. Вступительная статья, подготовка текста
и публикация М. А. Фролова

Впервые публикуется хранящаяся в РГАЛИ внутренняя рецензия Ю.Г. Оксмана на книгу Л.К. Чуковской «“Былое и думы” Герцена». Обстоятельства ее написания раскрываются во вступительной статье.

This is the first publication of Julian Oksman's peer review of the book of Lydia Chukovskaya (the manuscript is held in the Russian State Archive of Literature and Art). The circumstances behind this piece of writing are described in the Preface to this publication.

Ключевые слова: Ю.Г. Оксман, рецензия, Л. Чуковская, «“Былое и думы” Герцена».

Key words: Julian Oksman, review, L. Chukovskaya, «Herzen's “Past and Thoughts”»

Отмечая двухсотлетний юбилей А.И. Герцена, мы хотели бы настоящей публикацией напомнить читателям об одном из интересных эпизодов изучения его творчества в России – “в года глухие” (по слову А. Блока).

В ноябре 1953 г. историк русской литературы и общественной мысли, текстолог и пушкинист Юлиан Григорьевич Оксман (1895–1970) в одном из писем, обращаясь к своему давнему корреспонденту, с которым его на протяжении двадцати лет жизни связывала крепкая дружба, говорил: «Знаете, я бы на Вашем месте написал книжку о Герцене и статью “Стиль Герцена”. Из всех советских писателей и ученых только Вы справились бы с этими темами. Я вовсе не собираюсь в этом случае быть комплиментарным. Просто – констатирую факт» [1, с. 147]. Эти слова были обращены к писательнице, литературному критику и редактору Лидии Корнеевне Чуковской (1907–1996). Примечательно, что цитируемое письмо было написано за два года до выхода в свет первой публикации Чуковской, посвященной Герцену: в сентябрьском номере журнала “Пионер” была напечатана ее небольшая статья “Полярная звезда”, рассчитанная на юношескую аудиторию. Тогда же во втором “герцено-огаревском” томе “Литературного наследия” [2] появилась публикация писем Н.И. Тургенева к Герцену с подробными комментариями Оксмана.

В те годы ученый, переживший десять лет лагерей и чудом вернувшийся к жизни и работе в

1946 г., находился в Саратове, где в должности профессора вот уже восемь лет преподавал на кафедре русской литературы Саратовского государственного университета. Внимательно следя за публикациями своих коллег, в особенности за подготовкой академических изданий писателей-классиков, в которой нередко принимал самое непосредственное участие, он не мог не отметить выход из печати первых четырех томов 30-томного полного собрания сочинений Герцена. Об этом он сообщал 12 августа 1955 г. Лидии Чуковской, которая, к слову сказать, участвовала в этом издании как редактор: «...я приезжал на пленум редакции академического Герцена с докладом, в котором детально разобрал их достижения и провалы. Мне очень хотелось бы показать Вам свой доклад (он будет напечатан в “Известиях” Академии Наук в конце года) (см.: [3, с. 166–171] – М.Ф), во-первых, потому, что это о Герцене, во-вторых, потому, что я очень дорожу Вашим мнением по всем поводам и даже без повода, и, наконец, в-третьих, потому, что редакция “Литературной Газеты” самым гнусным образом использовала мой разбор, изъав оттуда для печати несколько положительных абзацев и общих фраз и дополнив их омерзительным суесловием Рюрикова¹ и его сателлитов. Получился не критический разбор, а слюнявое подхалимство, никому не нужное и ни для кого не интересное (см.: [4] – М.Ф).

¹ Борис Сергеевич Рюриков (1909–1969), критик, в 1953–1955 гг. – главный редактор “Литературной газеты”.

А я ведь все-таки могу даже и о Герцене сказать что-нибудь вовсе не стандартное, тем более что весь последний год его читал и перечитывал – отчасти под Вашим воздействием» [1, с. 154].

Биография и литературное наследие Герцена продолжали и в дальнейшем привлекать внимание Лидии Чуковской и Юлиана Оксмана, в определенном смысле став одной из их общих тем. В 1958 г. Оксман окончательно перебирается из Саратова в Москву и становится старшим научным сотрудником Института мировой литературы АН СССР (по конкурсу он был избран на должность еще в 1956 г., но два года работал по совместительству: основными препятствиями были проблемы с окончательной реабилитацией и отсутствие постоянного места жительства). Одним из главных направлений его деятельности в Институте было руководство Герценовской группой – фактически он в полной мере исполнял обязанности заместителя главного редактора академического издания: проводил регулярные заседания группы, следил за работой коллег как опытный и взыскательный критик, редактировал их тексты, держал корректуры, отчитывался перед руководством Института и Академии наук о проделанной работе.

В начале 1960-х годов Лидия Чуковская приступает к работе над книгой о “Былом и думах”, замысел которой постепенно оформляется. Уже 22 апреля 1960 г. Оксман в письме к ней спрашивает: «Очень интересно, как идет у Вас Герцен. Имею в виду впечатления от того, что читаете, так как понимаю, почему Вы не спешите писать. В сущности ведь самое интересное – это процесс знакомства с материалом, освоение целины, – все прочее, это “литература” (в верленовском смысле, т.е. нечто очень третьестепенное, смутное отражение “вещей в себе”» [1, с. 159]. Спустя два года, 25 мая 1962 г., когда была написана уже значительная часть будущей работы, ученый вновь настойчиво напоминает о своем пристальном интересе к осуществлению этого замысла: “С нетерпением жду Вашей третьей главы”. В это же время в апрельской книжке журнала “Дружба народов” появляется статья Лидии Чуковской, приуроченная к 150-летию юбилею Герцена, – “Былое и Думы”. Разумеется, она напрямую соотносилась с концепцией и содержанием книги, которая занимала основное внимание писательницы и была опубликована в 1966 г.

Следует сказать о том, что работу над ней, начиная с 1962 г., Лидия Корнеевна совмещала с написанием биографии Герцена, заказанной редакцией “Молодой гвардии”. Издать ее предполагалось в серии “Жизнь замечательных людей”.

Именно об этой книге спрашивал ее Оксман в июне 1963 г., стараясь приободрить автора, перед которым стояла нелегкая задача: “Как Ваш Герцен? Очень хотел бы почитать (или послушать). А наш герценовский сборник уже подписан к печати” [1, с. 165]².

Ответ последовал не самый утешительный, но обнаруживающий, что автор очень точно оценивал свои возможности, более того – отчасти предвидел судьбу обоих замыслов: «О Герцене (т.е. о надвигающейся катастрофе) расскажу при свидании. Работа движется, но таким шагом, что раньше 65 года книге конченной не быть. 1 июля я ее брошу и возьмусь за “Былое и Думы”. А 1 декабря меня проклянет Коротков³ и потребует обратно аванс. Я работаю, ежедневно, многочасово. Но четвертая глава (40-е) – это сущий ад: тут и Гегель, и горничная, и Белинский, и “Письма”, и “Кто виноват”, и славянофилы, и раскол, и Огарев, и Мария Львовна, и эмиграция... Не могу я просто писать “подряд”, как Эльсберг⁴, я должна это как-то строить» [1, с. 166]. Действительно, биографическую книгу о Герцене закончить не удалось, но первая ее глава – “Начало” – увидела свет в третьем выпуске альманаха “Прометей” в 1967 г.

Летом 1964 г. работа над книгой «“Былое и думы” Герцена» была завершена. 3 сентября Лидия Корнеевна отправила рукопись Оксману: “Посылаю Вам своего Герцена. Сегодня я отвезла рукопись в издательство. Сергей Павлович Гиждеу⁵, мой редактор, спросил меня, кого бы я хотела иметь рецензентом? Я, разумеется, назвала Вас, сказав, что Вы все равно читаете мою рукопись и, вероятно, не откажетесь высказаться официально. Он был весьма рад и просил меня, коль скоро я все равно посылаю Вам рукопись и письмо – узнать, согласны ли Вы?” [1, с. 168].

Согласие было немедленно получено. Спустя десять дней после написания отзыва Оксман, от-

² В письме упоминается сборник [5], Оксман был его ответственным редактором. В библиотеке писательницы сохранился экземпляр этого сборника с дарственной надписью: «Лидии Корнеевне Чуковской сборник “Проблемы изучения Герцена” от редактора. Надпись сухая, а чувства самые дружеские. 11/VIII 63. Черемушки».

³ Юрий Николаевич Коротков (1924–1989), историк литературы, редактор серии биографий “Жизнь замечательных людей”, а также главный редактор альманаха “Прометей”.

⁴ Яков Ефимович Эльсберг (1901–1976), литературовед, специалист по творчеству Герцена и Салтыкова-Щедрина, в частности – автор книги “Герцен. Жизнь и творчество”, вышедшей последним изданием в 1963 году; в 1930–1940-е годы – осведомитель НКВД. С 1953 года участвовал в работе Герценовской группы.

⁵ Сергей Павлович Гиждеу (1917–2003), специалист по зарубежной литературе, переводчик, редактор Гослитиздата.

вечая на естественное для той поры волнение автора за издательскую судьбу своей работы, писал: “В Гослите я не бываю, а потому не могу ничего узнать о том, когда Ваша рукопись уйдет в набор. Но слышал, что все ею восхищаются, как новым словом о Герцене” [1, с. 172]. Вскоре редактор книги передал Лидии Чуковской отзыв ученого. Ознакомившись с отзывом, она сочла необходимым поблагодарить Оксмана: “Дорогой Юлиан Григорьевич, я получила рукопись и рецензии от Гиждеу и хочу поблагодарить Вас не за добрые Ваши слова, а за то, что Вы в пору, большую для Вас, могли заниматься не собою, а мною” [1, с. 172]. Последние слова в письме Лидии Корнеевны нуждаются в небольшом комментарии.

Осенью 1964 г. Оксман за переписку и личное общение с западными учеными-славистами, за открытые общественные выступления против “доносчиков и предателей среди советских писателей и ученых” был исключен из Союза писателей, уволен из Института, выведен из редакционных коллегий “Краткой Литературной Энциклопедии”, “Литературного наследства” и “Литературных памятников”. В 1964–1970 гг. его статьи, рецензии и публикации печатались зачастую под псевдонимами, а если некоторые из них выходили под его собственным именем, то для этого необходимо было прилагать значительные усилия как ученому, так и коллегам, публиковавшим его работы⁶.

Надо заметить, что книга о “Былом и думах”, вышедшая в 1966 г. в издательстве “Художественная литература”, стала в судьбе Лидии Корнеевны некоей вехой, отметившей начало нового периода жизни, в значительной степени связанного с правозащитной деятельностью, что естественным образом не могло не отразиться на печатной судьбе ее книг и статей на родине. Первым таким выступлением стало письмо (за подписью Лидии Чуковской и поэта Владимира Корнилова) в редакцию газеты “Известия” и Президиум Верховного совета СССР от 23 января 1966 г. в защиту А.Д. Синаевского и Ю.М. Даниэля, а одним из последних – распространявшееся в самиздате и опубликованное на Западе обращение “Арестован Солженицын”, датированное 12 февраля 1974 г. За месяц до его появления Лидия Чуковская была исключена из Союза писателей. Лишь спустя четырнадцать лет в России вновь начали появляться ее публикации.

⁶ Достаточно в этой связи упомянуть, что готовый набор тома избранных литературно-критических статей Н.А. Добролюбова “Русские классики”, подготовленного Оксманом для издания в серии “Литературные памятники”, был рассыпан, а матрицы уничтожены. Книга увидела свет спустя шесть лет, незадолго до смерти ученого, в 1970 г. (см.: [6, с. 140]).

В своем отзыве Оксману удалось отметить, помимо достоинств и недостатков рецензируемой книги, наиболее характерные черты писательского стиля автора – “предельный лаконизм”, “масштабность”, “выразительность” и “четкость” характеристик и формулировок. Благодаря обширным цитатам из текста книги мы имеем возможность убедиться, что рецензент обращает внимание на самые существенные открытия и выводы автора, на то, что интересовало Лидию Чуковскую в первую очередь, но вместе с тем и на то, что вызывало его собственный исследовательский интерес как историка литературы и блестящего стилиста: вопросы жанра, документальность художественной прозы, соотношение “лирической публицистики” и “лирических воспоминаний”, язык и стиль произведений Герцена, которым посвящена специальная глава – “Это горит и жжет”, наконец, открытие в тексте “Былого и дум” элементов “ритмической прозы”. Весьма тактичны и конструктивны заключительные замечания Оксмана – сравнение их с текстом, опубликованным в 1966 г., свидетельствует о том, что все они были учтены писательницей.

В завершение остается добавить, что летом 2011 г. книга Лидии Чуковской «“Былое и думы” Герцена» была переиздана под одной обложкой вместе с двумя другими ее книгами и избранными статьями 1950–1960-х гг., посвященными Н.Н. Миклухо-Маклаю, Б.С. Житкову, С.Я. Маршаку и декабристам [7].

Предлагаемый вниманию читателей текст публикуется по авторизованной машинописи, хранящейся в фонде Ю.Г. Оксмана в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 9–12). Очевидные сокращения раскрываются без угловых скобок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуковская Л.К. – Оксман Ю.Г. “Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...”. Из переписки (1948–1970) // Знамя. 2009. № 6.
2. Литературное наследство. Тт. 61–63. Герцен и Огарев. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1956.
3. Оксман Ю.Г. Новое издание Герцена // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. Т. XV. 1956. № 2.
4. Оксман Ю.Г. Вечно живое наследие (О новом издании сочинений и писем А.И. Герцена) // Литературная газета. 1955. № 79.
5. Проблемы изучения Герцена. М.: Изд.-во АН СССР, 1963.
6. Литературные памятники. 1948–1998. Аннотированный каталог. М.: Наука, 1998. С. 140.
7. Лидия Чуковская. Избранное. М.: Время, 2011.

ОТЗЫВ О РУКОПИСИ Л.К. ЧУКОВСКОЙ «“БЫЛОЕ И ДУМЫ” А.И. ГЕРЦЕНА»

Работа Л.К. Чуковской о “Былом и думах” с первых же страниц захватывает читателя своим высоким идейным пафосом и литературным мастерством. Перед нами вовсе не проспект академической монографии, поскольку автор не склонен входить во все детали истории создания этого замечательного произведения, не анализирует его первоисточники, не учитывает отзывов критики, не ссылается на “литературу предмета”. И, тем не менее, несмотря на свой предельный лаконизм и отсутствие словесного шлака, новая работа о “Былом и Думах” – “томов премногих тяжелей”. Больше того, она не только необычайно свежа и оригинальна, но масштабна в самом строгом значении этого слова.

Характеризуя исключительное своеобразие “Былого и Дум” как памятника русской и мировой литературы, Л.К. Чуковская правильно замечает: «Более 100 лет миновало с тех пор, как Герцен начал писать свои записки, немного менее 100 лет – с тех пор, как он написал последнюю строчку; на всех языках мира вышло за это время немало замечательных книг, а “Былое и Думы” в мировой литературе по-прежнему остаются книгой единственной, несопоставимой ни с чем» (стр. 119).

В связи с этим в рецензируемой работе и ставится вопрос о Герцене – величайшем мастере мировой литературы, о Герцене – новаторе, создателе особого жанра художественной прозы: «Так что же такое “Былое и Думы”?» – спрашивает Л.К. Чуковская – Мемуары? Автобиография? Сборник публицистических статей и философских трактатов? И мы угадываем ответ: “В записках Герцена, в особенном необычайно прочном сплаве сосуществуют элементы всего перечисленного”. И далее: «В “Былом и думах” вымышленных лиц и несовершенство поступков нет, – события, изображенные в книге, не вымыслы, а реальные факты. Таким образом, хотя записки Герцена – произведение художественное, произведение искусства, повестью или романом они названы быть не могут» (стр. 114). Существенно в этом отношении еще одно заключение исследователя: «Время, история входят на страницы герценовских записок не только через судьбу, мысли и чувства самого автора, но и через многочисленные чужие судьбы. “Былое и думы” – густо населенная книга. Чужих биографий тут множество. Ее население – не вымышленные, а реально существовавшие люди. Сила же герценовских зарисовок, подробных ли, беглых ли, в том, что как бы ни был индивидуализирован облик его персо-

нажей, каждый штрих подчинен социальной характеристике. В изображении человека Герцену всего важнее подчеркнуть черты, обусловленные историей, временем, принадлежность к той или иной социальной категории, общественной группировке, или, как он говорил, к тому или иному слою, кряжу, пласту. Очерчивая образ человека, Герцен тем же движением карандаша чертил и образ эпохи, времени» (стр. 23–24).

По-новому ставя вопрос о самом жанре “Былого и дум”, Л.К. Чуковская очень тонко и аргументировано вскрывает принципиальную разницу между первыми четырьмя частями эпопеи, посвященными жизни и деятельности молодого Герцена и его друзей в России, и следующими разделами повествования: «Главное отличие последних частей от первых в том, что они дальше от мемуаров и ближе к публицистике. Герой и автор “Былого и дум” в последних частях записок гораздо менее занят собственной жизнью, чем в первых. За порогом записок остается его новая – очень несчастливая – семейная жизнь, за порогом и перипетии его ежедневной издательской деятельности. В центре внимания к концу книги оказывается не его судьба, не его семейная жизнь, и даже не его повседневный труд, а его мысли; не он сам, а революционеры-эмигранты всех стран Европы и его суждения о них». И далее: «Чем ближе к концу, тем явственнее в “Былом и думах” берут верх “думы” над “былым”; лирическая публицистика вытесняет лирические воспоминания. Чем ближе к концу, тем явственнее “Былое и думы” отделялось от жанра мемуаров, сближаясь с памфлетом, с очерком, с разными видами журнальных статей» (стр. 90–91).

Широко и оригинально аргументируя наличие в “Былом и думах” двух форм и методов повествования, Л.К. Чуковская впервые в нашей специальной литературе разрешает на совершенно конкретном материале проблему органической связи материала и стиля последних частей “Былого и дум” с политической публицистикой “Колокола”. Третья и четвертая главы принадлежат к числу самых значительных частей новой книги о “Былом и думах”.

В главе пятой очень удались Л.К. Чуковской характеристики языка и стиля Герцена. Все то, что давно известно было нам по кратким эмоциональным суждениям о специфике его художественной прозы в отзывах Тургенева, Толстого, Горького, впервые получило в рецензируемой работе выра-

зительные определения, четкие научные и литературно-критические формулировки. В рукописи их очень много. Но мы сошлемся для примера хотя бы на следующие: “Пластическое искусство Герцена сочетается с умением воспроизводить говор человеческий во всем богатстве и своеобразии живых интонаций. Речевая характеристика героев – одна из ярчайших красок на герценовской палитре. Она воспроизводит характерную речь даже случайных, едва успевших показаться на сцене персонажей с такою осязательностью внутреннего жеста, какой позавидовал бы любой актер: речь ямщика, знатной дамы, прусского жандарма на границе, московского подгулявшего студента, педанта-профессора, деревенского старосты, приживалки”.

В этом же плане необычайно свежи и выразительны такие, например, характеристики: “Язык Герцена дивит изобилием неологизмов, каламбуров, всяческого рода игры слов, причудами синтаксиса – но все эти новшества не режут слух, а только дивят и радуют, вызывая в читателе именно те чувства и впечатления, которые желал вызвать автор” (стр. 124). Или: «Прожив полжизни вдали от России, употребляя в разговоре и письмах иностранные слова, он, тем не менее, не подчинял русский язык иноязычным формам, а напротив – иноязычье в своих писаниях нередко подчинял законам и стихии русского языка. “Смешение языков” не только не мертвило, не иссушало слог Герцена, а напротив, – делало его еще более живым и острым. Русификация иноязычья служила Герцену, главным образом, для высмеивания и вышучивания противников, для жестокого издевательства над ними» (стр. 125).

Характеризуя мастерство Герцена, Л.К. Чуковская впервые установила наличие в “Былом и думах” элементов и ритмической прозы. Очень красочны в этом отношении, например, строки “Былого и дум”, отмечаемые в ряду других на стр. 20: “А дома предместья св. Антония еще дымились. Стены, разбитые ядрами, обваливались, раскрытая внутренность комнат представляла каменные раны, сломанная мебель тлела, куски

разбитых зеркал мерцали... А где хозяева, жильцы? – Об них никто и не думал...”.

Работа Л.К. Чуковской, выполненная на высоком теоретическом уровне, поражает богатством своего материала, оригинальностью и значимостью основных наблюдений и выводов, блеском литературного оформления.

Рекомендуя рукопись Л.К. Чуковской «“Былое и думы” А.И. Герцена» к печати, я полагал бы желательным несколько сократить (а, может быть, и полностью изъять) ее вводные страницы, частично повторяющиеся в главе первой (см. стр. 15–16 и 18–19).

На стр. 62-ой, при перечислении причин, в силу которых Герцен окончательно порвал с славянофилами, Л.К. Чуковская отмечает и их “религиозность”. Однако сам Герцен с негодованием говорил вовсе не о “религиозности” Аксаковых и Киреевских, а об их “покорности церкви”, о “подчинении их совести раболепной византийской церкви”, что в условиях 40–50-х годов не вполне совпадало с традиционными формами “религиозности”.

На стр. 99-ой, характеризуя “отступничество” бывших друзей Герцена в пору восстания Польши и вспоминая в связи с этим “Кетчера и Корша”, Л.К. Чуковская присоединяет к этим двум именам третье – Константина Аксакова. Но К. Аксаков умер, как известно, еще в 1860 г., так что Герцен мог здесь иметь в виду только Ивана Аксакова.

На стр. 117-ой некоторое недоумение вызывают строки о Герцене, который “мог быть таким язвительным с губернатором, надворным советником, с шефом жандармов”. В этом контексте чин “надворного советника”, равнозначный по табели о рангах капитану, явно неуместен.

Других замечаний у меня нет.

Доктор филологических наук Юлиан Оксман

3 ноября 1964 г.